

ния. Если согласиться с Гердером, считавшим действительность сущностью литературы, то с этой точки зрения следует очень высоко оценить русскую литературу последней трети XVIII в. Как справедливо заметил Г. П. Макогоненко, иностранных переводчиков русских произведений зачастую привлекали не те сочинения, в которых были наиболее полно выражены признаки той или иной эстетической системы, а те, которые отличались конкретным изображением человеческих характеров и, следовательно, обладали большой силой воздействия на читателей.⁹ Случаи, когда именно по этим причинам переводились произведения незначительные и второстепенные, на взгляд сегодняшнего теоретика, только лишний раз доказывают, что проблема диалектики традиций и новаторства все еще требует дальнейшей разработки.

Кризис, разложение литературной системы, характерной для позднефеодального общества, могут быть объяснены не только как следствие изменения социальных функций литературы, но и как кризис самой ее структуры. Можно было бы ограничиться констатацией примечательного самого по себе факта, что в литературу проникает идеология демократических слоев общества.¹⁰ Однако накопление качественных изменений в искусстве всегда приводит к определенным изменениям его форм. Проблемы жанров и литературного языка приобретают в конце XVIII в., как известно, особое значение.

Функциональные особенности русской литературы начиная с 1760-х годов состояли в следующем: в ней появились признаки осмысления диалектики национального и социального начал, государственного и гражданского сознания, патриотизма и борьбы за общественную справедливость и т. д., а также появилось совершенно иное, чем раньше, представление о личности и ее связи с обществом, что нашло отражение в басне, идиллии, сатире, «слезной драме». В области философии, права, экономики, эстетики происходили аналогичные изменения.

Писатели все больше интересуются народной жизнью. Литература приобретает более демократический характер и становится трибуной, с которой обсуждаются вопросы, волнующие все русское общество. Журналы, театр, а также бесчисленные, чаще рукописные, памфлеты, пародные стихи, песни и т. п. показывают, какого разнообразия форм при их функциональном единстве достигла русская словесность конца XVIII в.

Поэт, выполняющий роль своего рода посредника в системе литературных коммуникаций, начинает осознавать личную ответственность перед обществом: ведь он владеет оружием, которое может быть эффективно использовано в общественной

⁹ См.: Макогоненко Г. П. Русский реализм на его начальной стадии, с. 195.

¹⁰ Это явление исследовано в кн.: Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965.